

Глава 7. Поминовение

Могилы семьи Ду располагались на небольшом холме к югу от деревни, примерно в двадцати минутах ходьбы.

День для поминовения был неофициальный, поэтому ранним утром на дороге почти никого не встретилось. Цю Хуанянь в молчании дошёл до надгробий вдовы Ли и Ду Баояня.

Первым делом он зажёл благовония и совершил земной поклон, мысленно поблагодарив вдову Ли за то, что она вырастила прежнего владельца этого тела. Он пообещал, что позаботится о двоих младших детях и поможет старшему сыну семьи Ду.

Затем он достал изрядно потертый кошель. Его сшил сам прежний Цю Хуанянь — поскольку таланта к рукоделию у юноши не было, эта вещица осталась единственной в своём роде.

Тяжело вздохнув, юноша стянул с левого запястья тонкий серебряный браслет.

Когда его только привезли в семью Ду, Ду Баоянь уже скончался, но дела клана ещё не были так плохи. Вдова Ли полюбила мальчика и заказала для него это украшение. С тех пор юноша никогда его не снимал.

Хуанянь опустил браслет в кошель, добавил туда же срезанную прядь своих волос и туго затянул шнурок. Возле самого подножия могилы вдовы Ли он выкопал небольшую ямку и глубоко зарыл подношение в землю.

— В своём сердце ты считал вдову Ли матерью, так что я похороню тебя рядом с ней, — Хуанянь не называл имён, он говорил просто и искренне, словно вёл неспешную беседу со старым другом. — Пусть это место станет твоим последним приютом в этом мире. Каждый, кто придёт почтить память вдовы Ли, помянет и тебя.

Он расставил ритуальные подношения — куриный бульон и гаоляньи, зажёл три палочки благовоний и прочёл заупокойную молитву, сжигая жертвенные бумажные деньги. Некоторое время он стоял неподвижно, глядя на угасающие искры, а затем собрал вещи и ушёл.

Вернувшись домой, он велел Цзюцзю и Чуньшэну доесть принесённые с могил яства, и они немного отдохнули.

К тому времени солнце уже поднялось высоко. Соседская старушка собралась в лес за дикими травами, и дети вызвались пойти с ней, чтобы, как и вчера, помочь Хуаняню набрать ивовых листьев.

Дав им последние наставления, юноша вынул из форм свежие ириски, нарезал их брусочками и, прихватив часть с собой, снова вышел за порог.

На этот раз его путь лежал к дому главы клана.

Оказавшись у ворот, Хуанянь постучал, но ответа не последовало. Он присел на камень под раскидистой акацией, решив подождать.

Несмотря на бодрый настрой, едва он замер, как тело накрыла необъяснимая усталость. В следующую секунду, прислонившись к мощному стволу, он провалился в сон.

В полузабытьи ему почудилось, будто он вернулся в современный мир. Он видел самого себя, но словно со стороны.

Видел родителей, которые в больничной палате с тревогой расспрашивали врачей. Видел незнакомого «себя», сидящего на койке с растерянным лицом.

Постепенно тот, другой «он», поддавшись зову родной крови, медленно протянул руки и обнял немолодую супружескую пару.

Цю Хуанянь улыбнулся сквозь сон, и по его щеке скатилась слеза. Он в последний раз пристально посмотрел на родителей.

— Хуа-гээр, Хуа-гээр? Ты чего это на камне задремал?

Словно прошла целая вечность, прежде чем его растолкали. Открыв глаза, он увидел Мэн Фуюэ — старшую невестку главы клана и тётку Мэн Юаньлина.

Фуюэ не была близко знакома с Хуанянем, но знала, что её племянник дружит с ним, а свёкор благоволит этой семье, поэтому держалась приветливо.

— Я хотел поговорить с главой клана. Стучал, но никто не открыл, вот и решил подождать снаружи.

— Свёкор ушёл на поле, осмотреть землю перед пахотой. Скоро должен вернуться.

Мэн Фуюэ пригласила его в дом:

— Заходи, посиди пока внутри. Сегодня Юньчэн уехал в уездную школу на учёбу, почти все домашние отправились в город развеяться. Я осталась за хозяйством приглядывать. Ходила в сарай за дровами, вот и не слышала стука.

— Юньчэн собирается сдавать экзамен на туншэна? — спросил гость.

Ученик, прошедший уездные и префектурные испытания, получал звание туншэна. Те же, кто одолевал дворцовый экзамен, становились сюцаями — это была первая ступень государственного признания.

Сюцаи, или шэньюани, имели право не склоняться перед уездным судьёй, а лучшие из них, линьшэны, ежемесячно получали от казны рис.

Того же, кто занимал первое место на всех трёх начальных экзаменах, величали «сяо сань юань».

В уездной школе туншэны и сюцаи могли учиться бесплатно. Прочим же требовалось не только поручительство линьшэна, но и немалая плата за обучение. Поэтому в школу обычно шли лишь те, кто готовился к экзамену на туншэна, чтобы потратить последние месяцы на усиленную подготовку.

— Сюцай Сунь сказал, что знаний Юньчэна уже достаточно, чтобы попробовать свои силы. Сначала туншэн, потом несколько лет учёбы в уезде — и можно двигаться дальше.

Старый сюцай Сунь держал частную школу в городке Цинфу. Именно там раньше учился Юньчэн, и, поговаривали, именно там получил начальное образование Ду Юньсэ.

— Юньчэн не по годам серьёзен, из него выйдет отличный учёный, — похвалил Хуанянь.

— Свёкор говорит так же, — Мэн Фуюэ заметно просияла.

Юньчэн был старшим внуком в главной ветви, и Ду Чжэньхэ возлагал на него огромные надежды, мечтая, чтобы в их роду наконец появился человек с настоящим чином.

Вспомнив о чём-то, Фуюэ с улыбкой добавила:

— Впрочем, до твоего супруга ему ещё далеко. Тот ведь в десять лет уже стал туншэном.

Хуанянь почувствовал, как улыбка застывает на его лице.

«Похоже, от этого титула мне никогда не отделаться»

Мэн Фуюэ налила гостю воды, и они проболтали ещё какое-то время, пока во двор, опираясь на посох, не вошёл глава клана.

— Хуа-гээр? Что-то случилось? — удивился старик Ду Чжэньхэ.

— Пришёл просить вас о помощи, дедушка. Дело доброе, — юноша открыл корзинку. — Это гаолянъи, сладости моей работы. Попробуйте.

— Этот сахар вкуснее солодового, а Хуа-гээр говорит, что стоит он всего один вэнь! — вставила уже успевшая оценить угощение Мэн Фуюэ.

— Гаолянъи? Один вэнь?

У главы клана были плохие зубы, и сладкое он не жаловал, но, взяв брусок в руки, заметил, что сахар не твёрдый и не липкий. Он осторожно откусил кусочек.

Вкус был густым и чистым: аромат злаков переплетался с нежной сладостью свёклы, ни капли горечи — лишь мягкая, тягучая нежность.

Глаза старика блеснули. Ему доводилось бывать в городских ресторанах и лавках сладостей, он даже обедал в резиденции уездного судьи. Сахар, который сварил этот юноша, не уступил бы лучшим городским образцам.

— И вправду всего один медяк?

— Истинная правда, — улыбнулся Хуанянь. — Делается он из сорго, кукурузы и свёклы, в нём нет ничего дорогого. Да и если заломлю цену — в нашей глуши никто не купит.

Он примечал: в городе торговец солодовым сахаром за день продавал от силы тридцать-сорок палочек. Высокая цена убивала спрос.

Выслушав про состав, Ду Чжэньхэ не стал расспрашивать о хитростях готовки. Он задумчиво погладил бороду:

— Хочешь, чтобы я помог тебе со сбором свёклы?

Хуанянь довольно сощурился. Со смышлёными людьми работать было одно удовольствие.

Сорго и кукурузы в доме было в достатке, да и купить их не составляло труда. А вот красную свёклу люди сажали понемвогу, только для себя. Собрать большую партию в одиночку было почти невозможно.

Если же клич бросит глава клана, не придётся обходить каждый двор.

— Прошу вас передать сельчанам: я закупаю свёклу по цене один вэнь за два цзиня. Лишь бы не гнилая была, а заберу всё, что принесут. Пусть желающие приходят к моему дому завтра

утром.

Юноша с улыбкой добавил:

— О такой выгоде я первым делом нашему клану сообщаю. Сначала у своих всё заберу, а если не хватит — пойду по соседним деревням.

Взгляд Ду Чжэньхэ мгновенно изменился, а улыбка стала шире.

Не скажи Хуанянь этого, кто-то из деревенских мог бы припрятать запасы, надеясь взвинтить цену. Но теперь каждый поймёт: не продашь сейчас — завтра твой товар станет никому не нужен.

За ненужную свёклу можно выручить живые деньги — такой шанс упускать нельзя!

Старик осознал: этот юноша, на которого он раньше почти не обращал внимания, куда мудрее, чем кажется.

— Жена старшего сына, пойдя и передай в точности то, что слышала. Пусть весть разлетится по домам. Кто хочет — пусть завтра чуть свет идёт к Хуа-гээр.

Мэн Фуюз поспешила исполнить поручение. Хуанянь уже собирался откланяться, но глава клана его остановил.

— Хуа-гээр, Юньсэ вернётся дней через десять. Если он захочет продолжить учёбу в уездной школе, но возникнут трудности — приходи ко мне, обсудим.

Ду Юньсэ — так звали «дешёвого муженька» Хуаняня.

Заметив удивление юноши, старик вздохнул:

— Вчера я специально ездил в город навестить уездного судью. Он сказал, что наставник Юньсэ уже вышел из тюрьмы, хотя и остаётся под домашним арестом в столице. Все причастные либо сосланы, либо наказаны, дело закрыто. Коль скоро Юньсэ возвращается с миром, он может по-прежнему сдавать экзамены. На его путь это не повлияет.

Сельчане лишь повторяли чужие блуждающие слухи: то «вундеркинд», то «путь закрыт». На деле же никто не знал, что довелось пережить Ду Юньсэ.

Лишь глава клана помнил: в семь лет мальчик начал учиться, в десять — стал туншэном, заняв первые места на уездных и префектурных экзаменах. Его блестящее сочинение привлекло

внимание тогдашнего управляющего по делам образования провинции Ляочжоу, который специально приехал в деревню Ду, чтобы испытать юного гения.

После той проверки великий наставник Вэнь Хойян, прибывший вместе с чиновником, решил не упускать такой талант и тут же взял мальчика в ученики, увезя его с собой в странствия.

Если бы не Вэнь Хойян, твердивший, что «юношеский пыл и излишний ум ранят душу», и запрещавший ученику спешить с экзаменами, Ду Юньсэ давно бы стал не только сюцаем, но и цзюйжэнем!

Это был Цилянь-эр их клана Ду, настоящая Вэньцзюйсин, сошедшая на землю!

Вкратце пересказав эти события Хуаняню, Ду Чжэньхэ подытожил:

— Знаю, сейчас вашей семье нелегко. Но помни: все занятия низки, лишь ученье возвышенно. С таким талантом, как у Юньсэ, нельзя допускать промедления.

Он боялся, что Хуанянь не захочет тратиться на образование супруга, ведь учёба в те времена стоила баснословных денег.

— Ученье — это благо. Но прежде чем учиться, нужно сытно есть и тепло одеваться, не так ли?
— юноша улыбнулся.

Не давая старику возразить, он продолжил:

— Впрочем, это не беда. О хлебе насущном я позабочусь сам. Экзамены — лучшая вложенная монета. Если он может учиться — я его поддержу.

Поднимая на ноги двоих детей, Хуанянь мог лишь стараться дать им лучшее. Но в древности одних денег было мало. Если Ду Юньсэ, их старший брат, добьётся положения, у малышей будет будущее. Да и сам он не прочь был получить надёжную опору.

Вспомнив о гаолянги и о том, как ловко юноша ведёт дела, Ду Чжэньхэ не усомнился в его словах.

— Юньсэ — славный малый, чтящий ритуалы и стыд. Если будете стараться вместе, жизнь ваша непременно станет краше.

Ближе к полудню Хуанянь, как обычно, отвел Цзюцзю и Чуньшэна к тётушке Цзюань, а сам с

корзиной ирисок отправился в город.

Слава о вчерашнем товаре уже начала разлетаться. В этот раз многие пришли специально, чтобы попробовать новинку, и до вечера юноша продал сто восемьдесят три бруска.

Он понимал: пока это лишь азарт новизны. Через несколько дней спрос неизбежно пойдёт на спад.

Благодаря наплыву покупателей, дела в лавке тофу тоже пошли бодрее. Старшая невестка семьи Мэн сказала Хуаняню, что впредь он может торговать прямо внутри их лавки, чтобы не жариться на солнце.

Когда настало время возвращаться, второй сын семьи Мэн, Мэн Удун, как раз запрягал мула, чтобы развезти тофу по соседним сёлам. Он предложил подбросить Хуаняня.

После нескольких дней пеших странствий Хуанянь невольно затосковал по удобному современному транспорту. Он с завистью посмотрел на крепкое, мускулистое животное:

— Сколько нынче за мула просят?

— Старый мул в пять лянов серебра встанет. А такой вот бодрый, молодой — во все семь, — в голосе Мэн Удуна зазвучала гордость.

В семье Мэн было двое мулов: старый крутил жернова в мастерской, а молодой возил телегу. В городке Цинфу лишь самые зажиточные семьи могли себе такое позволить.

Большинству же и на старую клячу было не наскрести.

— А конь? — Хуанянь ещё не видел лошадей в этом мире. Как современный человек, воспитанный на исторических драмах, он питал к ним почти детский восторг.

— Самая плохая кляча — не меньше двадцати пяти лянов. А за доброго скакуна цены и вовсе потолка не знают, — Мэн Удун лишь покачал головой. Такие вещи были бесконечно далеки от людей их круга.

Если перевести на современный лад, мул был сродни электросамокату — пару-тройку тысяч отдал и поехал. Конь же был настоящим автомобилем: за потрёпанную колыхающую просили баснословные деньги, а о «роскошных моделях» и мечтать не стоило.

Юноша кивнул. Ему очень хотелось купить доброго коня, чтобы в полной мере прочувствовать вкус этой новой жизни.

Но сначала следовало крепко стоять на земле. Нужно было копить деньги хотя бы на мула, чтобы не бить ноги в пыли.

Вспомнив цены, Хуанянь вздохнул: заработанные за день сто с лишним медяков разом показались ему каплей в море. С такими темпами и за два месяца на доброго мула не заработаешь!

<http://bllate.org/book/15363/1372821>